

**СИМОНА
СЕНТ-ДЖЕЙМС**

**СЛОМАННЫЕ
ДЕВОЧКИ**

ОНИ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУТ. И НЕ ПРОСТЯТ

Симона Сент-Джеймс

СЛОМАННЫЕ ДЕВОЧКИ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва 2020

16+

Simone St. James
THE BROKEN GIRLS
Copyright © 2018 by Simone Seguin

Published in the Russian language by arrangement with *Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC*
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2019

Перевод с английского Марии Кленницкой

Сент-Джеймс С.

Сломанные девочки / Симона Сент-Джеймс ; [пер. с англ. М. Кленницкой]. — М.: Синдбад, 2020.

ISBN 978-5-00131-172-0

Айдлуайлд-холл всегда был мрачным местом. В 1950-е в нем находилась школа-интернат для проблемных девочек — смутьянок, незаконнорожденных, с отклонениями в развитии. Поговаривали, что в нем живет привидение, и местные жители предпочитали обходить его стороной. Интернат закрыли после таинственного исчезновения воспитанницы, одной из четырех близких подруг.

Спустя почти полвека недалеко от заброшенного здания нашли тело девушки. В ее убийстве был обвинен и впоследствии осужден парень, с которым она встречалась.

Еще через двадцать лет страшная находка во время работ по реконструкции Айдлуайлд-холла связывает эти два трагических случая и ведет к жутким тайнам еще более далекого прошлого.

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права» **Corpus Prava***

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2019.

*Эта книга посвящается моей матери, главному герою
моей жизни.
Я люблю тебя, мама*

Пролог

*Бэрронс, Вермонт
Ноябрь 1950 г.*

Когда девочка преодолела подъем на Олд-Бэрронс-Роуд, солнце уже скрылось за горизонтом. Наступала ночь, а идти оставалось еще три мили.

Воздух в сумерках стал густо-синим и студеным, контуры окружающих предметов в нем расплывались, будто в дыму. Прищурившись, девочка оглянулась на дорогу. Холодный ветер ерошил ее волосы и забирался под воротник. Вроде бы ее никто не преследовал.

Но она все равно приказала себе: «Быстрее».

И заспешила дальше. Из-под подошв ее тяжелых школьных ботинок разлетались камушки, ее длинные ноги разъезжались, как у жеребенка. Серая шерстяная юбка была ей мала и не доставала до колен, но сейчас девочке было не до этого. В чемодане, который бил ее по ногам, лежала еще одна юбка, от школьной формы. Скоро она в нее переоденется.

«Если повезет».

«Прекрати, дурочка! Лучше поторопись».

Ручка чемодана скользила в ее потной ладони. Она почти выронила его, когда вытаскивала из автобуса на остановке. Всю дорогу она смотрела в окно. Подмышки у нее намокли, по спине стекал пот. «У тебя все нормально?» — спросил водитель, заметив страх на лице девочки.

«Да-да», — она натужно улыбнулась, помахала ему и отвернулась, ударив себя чемоданом по коленям, стараясь идти так, будто перед ней шумная улица большого города, а не полоса растрескавшегося асфальта под названием Норт-Роуд. Тени стали длиннее.

Она обернулась, когда у автобуса закрылись двери, и еще раз — когда он отъехал от остановки.

Кроме нее, из автобуса никто не вышел. Единственными звуками, которые она слышала, были шорох ее ботинок и далекий крик ворона. Она была одна.

Ее никто не преследовал — пока.

Часто дыша от быстрой ходьбы, девочка пошла по Олд-Бэрронс-Роуд. Она заставляла себя смотреть вперед, чтобы не искушать судьбу. Если не оборачиваться, за спиной не появится ничего плохого.

Снова подул холодный ветер, и ее взмокшая одежда заледенела. Не сбавляя шага, девочка наклонилась вперед. Можно было срезать через лес, пройти напрямую до спортплощадки, а там уже был шанс встретить кого-то из ее общежития. Это будет быстрее, чем идти круглым путем до парадного входа Айдлуайлд-холла. Но тогда девочке пришлось бы сойти с дороги в темноте, а в лесу легко сбиться с пути. Она не могла решить, что лучше.

Сердце девочки забилось сильнее, но потом вернулось к обычному ритму. Такое часто случалось с ней от перенапряжения или страха. От ядовитой смеси того и другого у нее ненадолго закружилась голова, мысли запутались. Здоровье у нее еще не пришло в порядок. Хотя девочке было уже 15 лет, грудь у нее еще не выросла, а месячные начались только в прошлом году. Врач предупреждал ее, что такая задержка возможна — это, мол, естественное биологическое следствие недоедания. «Ты еще молода и быстро восстановишься, — сказал он ей, — но для твоего организма это был сущий ад». Некоторое время девочка не могла забыть эту фразу, та то и дело всплывала в ее мыслях. «Для организма это был сущий ад». В каком-то смысле это было даже смешно. Когда дальние родственники, поглядывая на нее искоса,

спросили, что сказал врач, она ответила: «Говорит, для организма это был сущий ад». Ответ их ошарашил, и девочка попыталась их как-то успокоить: «По крайней мере, у меня все зубы на месте». Они отвели глаза, не понимая, какое это достижение — сохранить все зубы. С тех пор она старалась молчать.

До главных ворот Айдлуайлд-холла теперь было ближе. Память девочки работала странно: она забыла имена половины одноклассниц, но до сих пор помнила обложку ежегодного альманаха для девочек «Блэкиз Герлз», который нашла на полке в школьном общежитии. На ней была девчонка в платье с низкой талией в стиле 20-х годов с резвым псом на поводке. Она стояла на склоне холма, прикрывая глаза от солнца ладошкой, и ветер развевал ее волосы. Девочка так часто смотрела на эту обложку и так часто видела ее в своих снах, что могла воспроизвести каждую черточку рисунка. Частично его очарование крылось в невинности, в молочной чистоте героини, которая всего лишь вышла прогуляться с собачкой, не задумываясь о врачах, зубах, болячках, струпьях и прочих неприятных вещах, которые у любого другого человека, как он ни старайся вычеркнуть их из памяти, всплывали в ней помимо его воли.

Девочка не слышала ничего за своей спиной. Она просто почувствовала, что там кто-то есть. За свистом ветра в ушах и стуком ее башмаков пряталось эхо какого-то другого звука, почти не заметный шепот, на который был настроен ее слух. На этот раз она повернула голову, — в шее что-то хрустнуло, словно в знак протеста, — и увидела фигуру на дороге. Она уже преодолела подъем по Олд-Бэрронс-роуд и начала спускаться вниз.

«Из автобуса ведь вышла только я. Больше никого не было».

Но она ведь всегда знала, что так будет. Вот почему девочка все это время шла так быстро, не чувствуя лица от холодного ветра. Теперь она почти перешла на бег. Становилось все темнее, и она отчаянно моргала, оглядываясь вокруг и пытаясь узнать места. Сколько еще до школы? Успеет ли она?

Девочка снова оглянулась. В сгущающихся сумерках она разглядела длинную черную юбку, узкую талию и дымчатую вуаль на лице женщины, колышущуюся на ветру. Под подолом двигались невидимые ноги. Фигура становилась все отчетливее, потому что женщина приближалась. Она не ускоряла шаг, но каждый раз, когда девочка оглядывалась, расстояние между ними сокращалось. Лица за вуалью было не разглядеть, но девочка знала, что глаза женщины прикованы к ней.

В панике она резко свернула с дороги в лес. Тропы не было, и она начала с трудом пробираться через густые заросли. Сухие стебли кололи ей ноги даже через колготки. Через несколько мгновений дорога исчезла из поля зрения, и она пошла наугад, надеясь, что все еще движется по прямой в сторону спортплощадки Айдлуайлд-холла. Неровная почва замедляла шаг, пот стекал между лопаток и пропитывал дешевую хлопковую блузку, которая прилипала к коже. Чемодан становился все тяжелее, и скоро девочке пришлось его бросить. Она не слышала ни звука, кроме собственного дыхания, резкого и дрожащего.

Вдруг ногу пронзила боль — девочка подвернула лодыжку. Но останавливаться было нельзя. Прическа растрепалась, а ладони были расцарапаны ветками, которые она отводила от лица. Девочка продолжала бежать. Впереди уже виднелась старая ограда Айдлуайлда — через сломанные и прогнившие штакетины легко можно было пробраться внутрь. За спиной она не слышала ни звука. А потом услышала.

«Мэри Хэнд давно умерла
И из могилы к тебе пришла.
Поспеши. Не дай ей до тебя добраться.
Будет плакать она и просить...»

Деревья впереди становились реже, и через них было видно поле, залитое жемчужно-белым светом месяца.

«Но не вздумай ее впустить».

В груди у девочки жгло, из горла вырвался всхлип. Она не готова. Не готова! Несмотря на все, что случилось, — а может, как раз из-за этого. Кровь все еще стучала у нее в висках, ее тело все еще боролось за жизнь. Но в один момент, полный чистой и жуткой ясности, она поняла, что эта борьба бессмысленна.

Девочка всегда знала, что чудовища существуют. И теперь они были здесь.

Она обернулась в темноту и закричала.

Глава 1

*Бэрронс, Вермонт
Ноябрь 2014 г.*

Резкий звонок мобильного телефона заставил Фиону вздрогнуть на водительском кресле. Она подалась вперед и схватилась за руль, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом.

Фиона моргнула, чтобы сконцентрироваться. Она что, уснула? Она помнила, как припарковалась на усыпанной гравием обочине Олд-Бэрронс-Роуд, чтобы посидеть в тишине и подумать. Видимо, она задремала.

Телефон, лежащий на пассажирском кресле, снова зазвонил. Фиона быстро протерла глаза и взглянула на светящийся в темноте экран. Там значилось имя Джейми и время — три часа ночи. Если бы Деб дожила до этого дня, сегодня ей исполнилось бы 40 лет.

Фиона взяла телефон и ответила на звонок:

— Джейми.

Его голос на том конце, заспанный и осуждающий, был похож на густой рокот.

— Я проснулся — а тебя нет.

— Я не могла уснуть.

— И поэтому нужно было уезжать? Что за фигня, Фи? Ты где?

Она открыла дверцу машины и свесила ноги наружу. Воздух был прохладным. Она ожидала, что Джейми разозлится, но ничего не могла поделать.

— На Олд-Бэрронс-роуд. Сажу в машине на обочине внизу холма.

Джейми замолчал — она знала, что он высчитывает в уме дату. День рождения Деб.

— Фи.

— Я собиралась просто поехать домой. Честно.

Она вышла из машины, чувствуя, что отсидела ноги. Холодный воздух резко, как пощечина, выбил из нее остатки сна, ветер взъерошил волосы. Она дошла до дороги и поглядела в обе стороны, засунув свободную руку в карман ветровки. С той стороны, откуда она приехала, виднелся дорожный знак — 30 миль до Берлингтона — и размытыми огнями светилась круглосуточная заправка на холме. Еще выше по дороге, за холмом, был перекресток с Норт-роуд с кучей ресторанов фаст-фуда, еще несколькими заправками и парой неизвестно на что надеющихся в этой глуши гипермаркетов. В противоположном направлении, впереди машины, зияла только темнота, как будто Олд-Бэрронс-Роуд внезапно обрывалась.

— Тебе не обязательно было ехать домой, — сказал Джейми.

— Я знаю, — ответила Фиона. — Но мне некуда было себя деть, а тебя будить не хотелось. Поэтому я уехала и только потом подумала.

Он вздохнул. Фиона представила его в этот момент: на нем старая футболка и боксеры, он откидывается на подушки, и, когда прикрывает рукой глаза, его мышцы перекачиваются под кожей. В половине седьмого Джейми нужно было вставать на смену. Она действительно не хотела его будить.

— О чем задумалась?

— О том, сколько машин ездит ночью по Олд-Бэрронс-Роуд. Если оставить машину у обочины, сколько времени пройдет, пока кто-то проедет мимо и заметит ее? Копы говорят, что Тим Кристофер не мог так долго прятать здесь свою машину, но ведь на самом деле они не проверяли эту гипотезу, так?

Ну вот, началось. Ее демон вырвался наружу и заговорил. А ведь она научилась так хорошо его скрывать. Эта идея не давала ей покоя несколько недель перед днем рождения Деб. Фиона старалась

сдерживаться, но сегодня, лежа без сна, поняла, что больше не может.

— Плохо, если не проверяли, — сказал Джейми. — И ты это знаешь. Я понимаю, что ты много думаешь о сестре. Но горевать — это одно, а поехать в Айдлуайлд — это совсем другое, Фи.

— Я знаю, — ответила Фиона. — И я знаю, что мы с тобой уже про это говорили. И с терапевтом. И что прошло двадцать лет. Я пыталась не заикливаться, честно. — Она не хотела, чтобы ее голос звучал умоляюще, но он себя выдал. — Просто выслушай меня, хорошо?

— Окей, говори.

Фиона сглотнула.

— Я приехала и припарковалась на обочине. И просидела здесь, — она взглянула на часы, — полчаса. Полчаса, Джейми. Мимо не проехало ни одной машины.

На самом деле, по ее расчетам, она провела здесь 45 минут, но 15 из них проспала в машине, поэтому не брала их в расчет.

— Он вполне мог припарковаться здесь и сделать это. До Айдлуайлд-холла здесь 10 минут через лес. У него была куча времени.

Она слышала дыхание Джейми в телефонной трубке. Они были вместе уже год, — ее саму это иногда удивляло, — и Джейми понимал, что обычные пустые фразы здесь будут не к месту. Какая разница, это ее не вернет. Преступник уже за решеткой. Это было 20 лет назад. Тебе нужно жить своей жизнью. Вместо этого он сказал:

— В девяносто четвертом году на Олд-Бэрронс-Роуд все было по-другому. В восточной части еще существовал кинотеатр для автомобилей. Не то чтобы там было много посетителей, но подростки часто там собирались, особенно на Хэллоуин.

Фиона заставила себя проглотить слова протеста, поднимавшиеся в горле. Джейми был прав. Она зябко вздрогнула и посмотрела через дорогу, в темноту. Когда-то кинотеатр находился там, но сейчас на его месте было пусто. Экран давно сняли, киоск с попкорном снесли, осталась только поросшая травой поляна посреди деревьев. Фиона вспомнила, как в детстве умоляла родителей свозить их с Деб сюда, думая, что это будет какое-то удивительное приключение, настоящий пир для всех чувств. Но она быстро поняла, что это бесполезно. Ее родители-интеллектуалы скорее полетели бы в космос, чем пошли в кинотеатр на «Полицейского из Беверли-Хиллз 2». Деб, которая была на три года старше и умнее, только пожала плечами — а ты, мол, чего ожидала?

— В четверг в ноябре в кинотеатре под открытым небом вряд ли было много детей, — ответила она.

— Но кто-то все-таки был, — сказал Джейми. В его голосе звучала простая логика человека, жизнь которого еще ни разу не разваливалась на куски. — И никто из них не видел машину Кристофера. Следствие все это выяснило.

Фиона чувствовала, как ей на глаза давит усталость, но внезапно проснувшаяся энергия не давала ей стоять спокойно. Она повернулась спиной к холму и огням заправки и, оставляя машину позади, пошла вперед, в темноту.

— Понятное дело, ты думаешь, что они все выяснили, — ответила она Джейми, и это прозвучало более резко, чем она рассчитывала. — Ты же коп, ты обязан в это верить. Девушку убили, величайшие умы штата Вермонт раскрыли дело, и плохой парень отправился за решетку. В твоём мире это так выглядит.

Гравий на обочине хрустел под подошвами ботинок, ветер продувал Фионе джинсы и охлаждал ноги. Ее тело

вздрагнуло от волны холода, пробравшейся сквозь одежду. Она подняла воротник.

Джейми не поддавался на провокацию — одна из его черт, которая так ей импонировала.

— Фиона, я знаю, что они все выяснили; знаю, потому что читал материалы дела, и не один раз. Как и ты, что вообще-то на моей работе считается нарушением правил. В них вся информация. И по-другому ее не истолковать.

— Конечно, это же была не твоя сестра, — сказала Фиона.

Джейми помолчал, словно признавая это, а затем продолжил:

— Тима Кристофера обвинили, судили и признали виновным в убийстве Деб. Последние 20 лет он провел в тюрьме строгого режима. Но ты все еще едешь на Олд-Бэрронс-Роуд в три часа ночи.

Чем дальше она шла, тем темнее становилось. К тому же на нее будто обрушилась волна холодного воздуха — она уже не чувствовала собственного носа. Ей пришлось плотнее запахнуть куртку.

— Я хочу понять, как он это сделал, — сказала она.

В 1994 году тело ее задушенной сестры нашли посреди поля для хоккея с мячом у заброшенной школы Айдлуайлд-холл. Ей было двадцать лет. Она лежала на боку с прижатыми к груди коленями и открытыми глазами. Рубашка и лифчик на ней были разорваны. Последний раз ее видели в общежитии колледжа в тридцати милях отсюда. Ее парень Тим Кристофер был обвинен в убийстве и провел в тюрьме 20 лет. Он до сих пор утверждал, что невиновен.

Фионе в то время было семнадцать. Ей не нравилось думать о том, как это убийство разрушило ее семью или повлияло на ее собственную жизнь. Проще было стоять на обочине и думать, как Кристофер донес тело ее сестры до места, где его нашли. Это до сих пор

не было до конца ясно, потому что ни на поле, ни в лесу не осталось следов обуви или шин. Территория Айдлуайлда была обнесена оградой, но та была ветхой и во многих местах поломанной. Тим легко мог бы протащить тело через какой-нибудь пролом. Если, разумеется, он шел здесь.

Джейми был прав. Черт бы побрал его и его полицейское мышление, с которым ее собственный журналистский ум никак не мог ужиться. Эта деталь не давала Фионе покоя. Другим людям удалось залечить душевные раны и пойти дальше, и ей тоже стоило бы найти себе хоть какую-то «подпорку» (алкоголь или наркотики — неплохой вариант) и хромать потихоньку вместе со всеми. В очередной раз вздрогнув от холода, она, вглядываясь в темноту деревьев, тем не менее снова задала себе вопрос: «Как он смог дотащить сюда тело Деб и не оставить никаких следов?»

Фиона все еще держала телефон около уха и слышала дыхание Джейми на том конце. Он ждал.

— Ты меня осуждаешь.

— Вовсе нет, — запротестовал он.

— Это слышно по тому, как ты дышишь.

— Ты серьезно?

— Я...

Она услышала за спиной шорох шагов и замерла.

— Фиона? — Джейми как будто тоже почувствовал что-то.

— Тсс, — инстинктивно прошептала она.

Она стояла очень тихо, наклонив голову. Вокруг была почти полная темнота. Айдлуайлд-холл, школа-интернат для девочек, закрылся в 1979 году, задолго до смерти Деб; с тех пор он стоял заброшенным, его ворота оставались закрытыми, территория заросла травой. В этой части дороги, у въезда на территорию школы, не было ни одного фонаря — да и вообще ничего, кроме ветра среди деревьев.

Она осторожно повернулась на каблуках. Шорох чужой обуви по гравию она расслышала очень явственно. Если это какой-то псих, бродящий по лесу ночью, то ей даже нечем будет защитить себя. Придется только кричать Джейми в трубку и надеяться на лучшее.

Сейчас ее окружала кромешная темнота, в которой не раздавалось ни звука. Не успевшие опасть сухие листья подрагивали на черных ветвях.

— Что за херня? — рявкнул Джейми. Ругался он, только если был очень взволнован.

— Тише, — ответила она. — Тут никого нет. Ничего страшного. Мне показалось, что я что-то слышала, вот и все.

— Стоит мне напомнить тебе, почему прогулка по темной заброшенной дороге глубокой ночью — это плохая идея?

— Тебе никогда не казалось, что с Олд-Бэрронс-Роуд что-то не так? — спросила она. — Я имею в виду, ты вообще бывал здесь? Тут немного жутковато. Кажется, будто что-то...

— Все, я больше не могу, — сказал Джейми. — Возвращайся к своей машине и езжай домой, а не то я сам приеду и заберу тебя.

— Иду, иду.

Руки у Фионы до сих пор дрожали, даже та, которая словно намертво приклеилась к телефону. По ее телу пробежала, спустившись вниз по хребту, волна адреналина. Она слышала шаги. Настоящие шаги. Холма отсюда не было видно, его закрывали деревья. Внезапно ей захотелось увидеть внушавшие спокойствие огни заправки. Только она сделала шаг в ее направлении, как ее осенила внезапная догадка; она развернулась и быстро направилась к воротам Айдлуайлд-холла.

— Надеюсь, ты идешь к машине, — мрачно сказал Джейми.

— Я заметила надпись на воротах, — ответила Фиона. — Раньше ее не было.

Она подошла довольно близко, чтобы можно было разглядеть надпись в темноте. «Строительный проект *Macmillan Construction Ltd*».

— Джейми, почему тут написано, что в Айдлуайлд-холле ведется строительство?

— Потому что оно ведется. Они начинают на следующей неделе. Два года назад участок продали, и новый хозяин вступает во владение. Насколько я слышал, они собираются там все реставрировать.

— Реставрировать? — Фиона моргнула, стараясь запомнить надпись на воротах. — И что здесь будет?

— Новая школа, — ответил Джейми. — Они все починят и снова откроют школу-интернат.

— Что?

— Я не хотел тебе об этом говорить, Фи. Я знаю, как много для тебя значит это место.

Фиона сделала шаг назад, все еще глядя на надпись. Реконструкция. На поле для хоккея, где лежало тело Деб, будут играть девочки. Старые здания снесут, на их месте построят новые. Соорудят парковку, возможно, расширят дорогу. Она знала это место — место гибели Деб — как свои пять пальцев, а теперь его не станет.

— Черт! — воскликнула она, снова разворачиваясь и идя к машине. — Я еду домой. Позвоню тебе завтра.

Глава 2

Кейти

*Бэрронс, Вермонт
Октябрь 1950 г.*

Когда Кейти Уинтроп впервые увидела Айдлуайлд-холл, она чуть не расплакалась. Она ехала на заднем сиденье семейного «шевроле» и смотрела на дорогу через просвет между плечом отца (в сером костюме) и матери (в креповой блузке). Когда в конце Олд-Бэрронс-Роуд показались большие черные ворота, Кейти внезапно почувствовала, как к глазам подступили слезы.

Ворота были открыты — а это, как она вскоре поняла, случалось нечасто. Отец молча въехал в ворота и продолжил путь по неимоверно длинной, грязной подъездной дороге. Кейти во все глаза смотрела на выросшее перед ними здание — главный корпус школы — высотой в три этажа и бесконечно длинное, с вытянутыми остроконечными окнами, похожими на ряд зубов, нарушаемый лишь портиком над входной дверью. Стоял август, воздух был густым и жарким, духота предвещала дождь. Чем ближе они подъезжали, тем больше Кейти казалось, что они едут напрямик в пасть зданию. Она судорожно сглотнула и старалась сидеть прямо и тихо, а огромное серое строение впереди все росло и росло.

Отец остановил машину, и на секунду повисла полная тишина — слышен был только стук двигателя. Айдлуайлд-холл выглядел мрачным, без каких-либо признаков жизни. Кейти посмотрела на маму, но та, повернув голову, глядела в окно невидящим взглядом.

Кейти сидела так близко, что могла рассмотреть мамин макияж.

— Простите меня! — хотелось ей сказать. — Пожалуйста, не оставляйте меня здесь. Я не смогу. Пожалуйста, простите.

Но она промолчала.

— Я возьму твои вещи, — сказал отец.

Это было два года назад. Теперь Кейти привыкла к Айдлуайлду: к длинным обшарпанным коридорам, пахнущим плесенью и девичьим потом, к окнам, которые зимой по краям затягивало изморозью; к влажному, рыхлому запаху, который круглый год стоял на поле для хоккея на траве; к школьной форме, не менявшейся с момента основания школы в 1919 году.

Другие девочки охотно подчинялись Кейти. Она была их лидером — темноволосая, красивая, немного агрессивная и храбрая. Не то чтобы она стала популярной в школе, но пару раз ей приходилось пускать в ход кулаки, и она легко побеждала. Если ты умеешь показать себя, то ты уже наполовину победила, и Кейти неуклонно придерживалась этого правила. В интернате для брошенных девочек нелегко выжить, но Кейти сжала зубы, и у нее получилось. С родителями она виделась два раза в год — летом и на Рождество. Она так перед ними и не извинилась.

В общежитии, которое называлось Клейтон-холл, девочки размещались по четверо в комнате. Никогда нельзя было знать наверняка, с кем тебя поселят. Одна из первых соседок Кейти, девочка с вечно спутанными волосами из Нью-Гемпшира, утверждала, что происходит из семьи настоящей салемской ведьмы, и любила бесконечно напевать что-то себе под нос, сидя над учебником латыни. При этом она так яростно грызла ноготь на большом пальце, что Кейти начинала задумываться, насколько это веский мотив для убийства. После того, как «салемская ведьма» уехала,

ее место заняла длинноногая кучерявая девочка, чьего имени Кейти не запомнила. Почти каждую ночь она тихо рыдала в подушку, пока однажды крупная и всегда чем-то раздраженная Шарлотта Кэнкл не встала с кровати и не сказала:

— Прекрати уже реветь, ради бога, не то скажу девочкам, чтобы они тебя подержали, а я расквашу тебе нос.

Никто ей не возразил. Плачущая девочка с тех пор вела себя тихо, а через несколько недель покинула комнату.

Шарлотта Кэнкл тоже переехала в другую комнату на их же этаже — случилось это после драки с Кейти, одной из тех, в которых Кейти удалось выйти победительницей. И теперь комнату ЗС с ней делили, пожалуй, вполне нормальные девчонки. Айдлуайлд был последней надеждой для родителей — сюда привозили тех, в ком разочаровались или кто слишком упорствовал в непослушании. Скрытая в лесах Вермонта, школа насчитывала всего 120 учениц: незаконнорожденных дочерей, дочерей от первого неудачного брака, дочерей служанок, дочерей иммигрантов, девочек, которые плохо себя вели и не хотели учиться. Здесь всегда велись войны, и ни одна ученица не доверяла другой, но Кейти странным образом чувствовала, что только эти девочки способны ее понять. Когда она рассказывала, сколько раз сбегала из дома, они только пожимали плечами: подумаешь!

Однажды ночью, после отбоя, она села на кровати и потянулась за пачкой сигарет, спрятанной под подушкой. Стоял октябрь, и по единственному высокому окну в их спальне барабанил дождь. Кейти постучала по кровати на втором ярусе.

— Сисси!

— Что?

Сисси, конечно же, не спала. Кейти уже давно определила это по ее дыханию.

— Я хочу рассказать тебе историю о привидениях.

— Правда? — Сисси перегнулась через край кровати и посмотрела вниз на Кейти. — Про Мэри Хэнд?

— Только не это, — раздался голос со второго яруса кровати в противоположной части комнаты. — Снова истории про Мэри Хэнд?

— Тихо, Роберта, — сказала Сисси. — А то Соня проснется.

— Я не сплю, — ответила Соня из-под одеяла с нижнего яруса второй кровати. Сейчас, в полудреме, ее французский акцент был сильнее обычного. — Заснешь тут, когда вы болтаете.

Кейти достала сигарету из пачки. Всем в комнате было по 15 лет. В Айдлуайлде уже давно селили вместе девочек одного возраста, иначе старшие начали бы издеваться над младшими.

— Про Мэри Хэнд кто-то написал в моем учебнике латыни, — сказала она. — Смотрите.

Она достала из-под кровати старый, пахнущий плесенью учебник и маленький фонарик. Фонарики в Айдлуайлде были запрещены, но это правило нарушали все девочки без исключения. Крепко держа его в руке, Кейти долистала до нужной страницы.

— Видите?

Сисси спустилась вниз со второго яруса. Из них четверых у нее была самая большая грудь, поэтому она стыдливо прикрывалась накинутым на плечи одеялом.

— А, — сказала она, глядя на страницу, — у меня есть то же самое в учебнике грамматики. Ну, или, по крайней мере, что-то похожее.

— Что там?

Роберта не могла разглядеть надпись со своей кровати. Она выросла из ночной рубашки, и из-под подола были видны ее тонкие лодыжки. Темно-русые

волосы были заплетены в косу. Она бесшумно спрыгнула со второго яруса на пол и заглянула через плечо Сисси. Кейти услышала ее мягкий вздох.

На узких полях страницы было написано карандашом:

«Видела Мэри Хэнд в окно 1G, Клейтон-холл. Она шла по полю. Среда, 7 августа 1941 года. Дженни Берд».

Глядя на эту надпись, Кейти почувствовала какой-то нервный толчок, укол страха, который она не хотела показывать другим. Все в школе знали про Мэри Хэнд, но карандашные записки каким-то образом делали ее более реальной.

— Это ведь не шутка, — сказала она, не спрашивая, а утверждая.

— Не шутка, — подтвердила Сисси. — В моей грамматике было написано так: «Туалет, третий этаж, в конце западной стены. Там я видела Мэри». И дата стояла — 1939 год.

— Это предупреждение, — сказала Соня, которая тоже встала и выглядывала из-за спины Роберты. Она пожалала плечами и снова подалась назад. — Я их тоже видела. Кажется, учебники здесь с тех пор не меняли.

Кейти пролиставала ветхие страницы своего латинского учебника. На первой стояли цифры «1919», год основания Айдлуайлда. Кейти попыталась представить, как выглядела школа в то время: новенькое здание, новенькая форма, новенькие учебники. Сегодня, в 1950 году, Айдлуайлд превратился в машину времени, в место, где понятия не имели об атомной бомбе, шоу *Texaco Star Theatre* или телевидении. В каком-то смысле было логично, что девочки из Айдлуайлда вынуждены были передавать друг другу сообщения на полях учебников, рядом со списком сражений Войны за независимость или описанием химического состава йода. Учителя никогда

не заглядывали в эти книги, а школа их не списывала. Если нужно предупредить новеньких о Мэри Хэнд, лучше места не найти.

«В окно 1G, Клейтон-холл». Кейти зажгла спичку и прикурила от нее.

— Не стоит, — безразлично сказала Роберта. — Сьюзан Брейди почувствует запах и задаст тебе.

— Сьюзан Брейди уже спит, — ответила Кейти.

Сьюзан была комендантшей на третьем этаже общежития и относилась к своей работе очень серьезно, за что ее никто не любил. Кейти выключила фонарик, и все четверо остались в темноте. Роберта стащила на пол подушку и уселась, оперевшись спиной на узкий шкаф. Соня тихо прошла к окну и открыла его, чтобы выпустить сигаретный дым.

— Так что, — Сисси повернулась к Кейти, — ты ее видела?

Кейти пожала плечами. Она уже жалела, что завела этот разговор. Она знала этих девчонок, но не так хорошо, чтобы доверять им. Ей стало тревожно, когда она снова посмотрела на карандашные записки в учебнике латыни. На самом деле она не до конца понимала, что с ней произошло. Ей хотелось бы просто увидеть призрак Айдлуайлда в ванной — это было бы просто и ясно. Когда с ней это произошло, она чувствовала, что все по-настоящему, но описать случившееся словами она не могла. Кейти сглотнула слюну и сменила тему.

— Как вы думаете, она правда тут училась? — спросила она остальных.

— Я слышала, что да, — ответила Роберта. — Мэри ван Вортен из хоккейной команды говорит, что однажды зимней ночью Мэри Хэнд вышла из школы, не смогла попасть обратно и умерла.

— Это, должно быть, случилось очень давно. — Сисси забралась в кровать Кейти. — Я слышала, что по ночам

она стучит в окна — просит, чтобы ее пустили внутрь. И что она уговаривает девочек выйти на улицу и пойти за ней. Но если так сделаешь, умрешь.

С Сисси Кейти прожила в одной комнате дольше всех и знала ее лучше, чем других девочек, потому что ее можно было читать, как открытую книгу. Сисси была незаконной дочерью богатого банкира от горничной, и большую часть жизни ее перебрасывали из интерната в интернат. Поразительно, но это не заставило ее возненавидеть отца. С матерью, которая работала экономкой в Бостоне, она поддерживала близкие отношения. Все это Сисси успела рассказать Кейти во время знакомства, пока вешала на вешалку полосатый форменный пиджак и убирала на место клюшку для хоккея с мячом.

— Иногда, когда среди деревьев дует ветер, можно услышать, как она поет на поле для хоккея, — добавила Роберта. — Что-то вроде колыбельной.

Этой истории Кейти не знала.

— Ее можно услышать?

Роберта пожала плечами. Она пробыла в Айдлуайлде всего несколько месяцев, в то время как все другие девочки жили здесь уже больше года (а Соня — целых три). Роберта была умницей и прирожденной спортсменкой, но держала язык за зубами. Никто ничего не знал о ее семье. Кейти не могла понять, что Роберта здесь делает, но взгляд у нее был такой же, как у большинства местных девчонок, — как будто она спряталась и смотрит на мир из-за высокой стены, — так что причина, вероятно, все же была.

— Сама я ее ни разу не видела, а я четыре раза в неделю там тренируюсь. — Роберта, как обычно, повернулась к Соне: — Соня, а ты что думаешь?

Соня была противоположностью Сисси — полная загадка. Бледная, тонкая, тихая, легко перепархивающая из компании в компанию в сложной

иерархии школы, она казалась слишком отрешенной даже для Айдлуайлда. Она приехала из Франции, и после войны, когда столько девочек лишились отцов и братьев и столько мужчин вернулись домой измученными из лагерей для военнопленных, никто не спрашивал Соню о ее прошлом. В школе она жила дольше, чем все другие девочки в их комнате.

Соня была абсолютно закрытой от мира, как будто ей хватало того, что происходило в ее собственной голове. Ловкая, подтянутая и грациозная Роберта по какой-то причине оказалась очарована Соней, и их часто можно было видеть рядом. Казалось, им очень хорошо вместе, и Кейти тоже начинала желать чего-то подобного. Ей никогда не было хорошо с кем-то. Поклонницы у нее были всегда — но не подруги.

Соня перехватила взгляд Кейти и пожалала плечами. Даже в простой ночной рубашке этот жест вышел у нее каким-то по-европейски прохладным.

— От призраков прока нет, — сказала она со своим нежным, мелодичным акцентом. — Я слышала то же, что и все остальные: что она ходит в черном платье, а лицо у нее закрыто вуалью. Станный выбор для прогулки зимней ночью.

Даже в темноте от ее взгляда не укрылось выражение лица Кейти.

— Ты что-то видела, так?

Кейти посмотрела на забытую сигарету у себя в руке.

— Я ее слышала, — ответила она и затушила окурок о медную медаль за достижения в учебе, много лет назад забытую в спальне кем-то из учениц.

— Слышала? — переспросила Сисси.

Кейти глубоко вздохнула. Мэри Хэнд казалась ей чем-то вроде семейной тайны. Одно дело — рассказывать страшилки в темноте, но совсем другое — открывать свой шкафчик в раздевалке перед уроком физкультуры и чувствовать, как чья-то невидимая рука

толкает дверцу назад. Всегда были какие-то мелочи: ощущение, что за тобой следят, или порыв холодного воздуха в коридоре. Никогда нельзя было быть уверенной, что это ей не почудилось, и потому Кейти никому не говорила, чтобы не выглядеть глупой. Но этот случай был другим, и о нем нужно было рассказать.

— Это было во внутреннем дворе. На тропинке, что идет мимо столовой.

Девочки закивали. Главное здание школы изгибалось подковой, окружая внутренний двор с неухоженными деревьями и заросшими мощеными дорожками.

— Я боюсь ходить в той части. Особенно мимо сада, — сказала Сисси.

Кейти тоже боялась. Сад никому не нравился, хотя в расписании занятий стояли еженедельные уроки садоводства, на которых девочки лениво ковырялись в сырой, пахнущей гнилью земле. Даже учителя старались держаться от сада подальше.

— Я пошла туда покурить после ужина и сошла с тропинки, чтобы меня не заметила миссис Пибоди — она сама там часто курит, хотя ей запрещено. Я стояла под большим кленом. И тут я что-то почувствовала. Там кто-то был.

Сисси, увлеченная рассказом, подалась вперед.

— Но ты ничего не видела?

— Я слышала голос, — ответила Кейти. — Он был... Я точно его не выдумала. Он прозвучал так, как будто кто-то стоял совсем рядом. Я слышала очень четко.

Она и сейчас помнила этот момент под кленом во всех подробностях. Она стояла на ковре их кленовых крылаток, и, когда услышала голос прямо за правым ухом, то уронила сигарету, а волосы у нее на шее встали дыбом. Айдлуайлд — древнее место, и страх здесь был древним. До этого момента Кейти думала, будто знает, что такое страх. Но когда голос заговорил,

она поняла, что страх — куда старше и огромнее, чем можно себе представить.

— Ну, — поторапливала Роберта. — Так что она сказала?

Кейти откашлялась.

— «Не шевелись».

На мгновение воцарилась тишина.

— Господи, — мягко произнесла Сисси.

Первым делом Кейти почему-то взглянула на Соню. Та сидела на полу в тени под окном, опершись на стену, прижав колени к груди. Она совсем притихла. Кейти не могла понять, смотрит Соня на нее или нет. Где-то дальше по коридору хлопнула дверь. По потолку что-то постукивало, как будто где-то капала вода.

— Но почему? — спросила Соня. — Почему она тебе это сказала?

Кейти так резко пожала плечами, что почувствовала, как сжимаются мышцы, хотя в комнате было темно, и другие девочки все равно бы этого не увидели.

— Понятия не имею, — огрызнулась она, и голос у нее сломался против ее воли. — Я ее слышала, вот и все. Больше мне сказать нечего.

Вранье. Полное вранье. Но откуда бы древнему призраку все знать?

«Не шевелись». Она не могла об этом говорить. Ни с кем. Пока не могла.

— И что ты сделала? — спросила Роберта.

Это был простой вопрос.

— Рванула нахрен оттуда.

Только Сисси, сидевшая, прислонившись к изголовью кровати, охнула, услышав ругательство. Для незаконнорожденной ей дали тонкое воспитание.

— Я бы тоже убежала, — призналась она. — Я однажды видела мальчика. У Элсмеров.

Эту фамилию носила семья отца Сисси, но ей она не досталась.

— Однажды я играла на заднем дворе, пока мама работала. Взглянула вверх, а там в окне стоит мальчик и смотрит на меня. Я помахала, но он мне не ответил. Когда я спросила у мамы, почему мальчика не пускают на улицу, она очень странно на меня посмотрела и сказала, что мне показалось. И чтобы я никогда не говорила про мальчика, особенно при Элсмерах. Больше я его никогда не видела. Интересно, кто это был...

— Мне бабушка часто рассказывала про призрака, что жил у нее на чердаке, — сказала Роберта. Он все время передвигал мебель и шумел. Бабушка говорила, что иногда ночи напролет лежала и слушала, как он таскает по полу сундуки и буфеты. Мама думала, что бабушке просто хочется внимания, но однажды летом я прожила две недели в бабушкином доме и тоже это слышала. Все было так, как она рассказывала, — слышно было, как кто-то двигает по полу мебель, потом поднимает старую медную напольную лампу и ставит на другое место. На следующее утро я спросила, может быть, это делает призрак дедушки, а она посмотрела на меня и ответила: «Нет, милая. Это кое-что похуже». — Роберта замолчала на какое-то время. — Больше я туда не возвращалась. В тот же год на Рождество бабушка умерла, и мама продала дом.

— А ты, Соня? — спросила Сисси. — Ты когда-нибудь видела призрака?

Соня вытянула ноги, встала и закрыла окно. Снаружи перестало тянуть холодом, но Кейти все равно знобило.

— Что мертво, то мертво, — ответила Соня. — От призраков прока нет.

Кейти смотрела на ее силуэт в почти полной темноте. Ее слова прозвучали пренебрежительно, но все-таки Соня не сказала, что не верит в привидений. Или что ни разу их не видела. Или что они не существуют.

Она знала, и все они знали.

Дождь снова забарабанил в окно. «Не шевелись», — снова сказал голос в голове Кейти. «Не шевелись». Она крепко обхватила себя руками и зажмурилась.

Глава 3

Бэрронс, Вермонт
Ноябрь 2014 г.

— Джонас, — сказала Фиона на следующее утро, входя в захламленный офис «Лайвли Вермонт». — Ты знаешь, что Айдлуайлд-холл реставрируют?

В большой комнате никого не было, но дверь в кабинет Джонаса была распахнута, и Фиона знала, что он там. Он всегда был там. Она протиснулась между столов и картонных коробок, которыми была забита большая комната, и направилась к логову владельца журнала, он же занимал пост главного редактора.

— Это ты, Фиона Шеридан? — раздался голос изнутри. — Давно я тебя не видел.

Она добралась до двери и взглянула на Джонаса. Тот склонился над столом, рассматривая распечатанную фотографию. Компьютер за его спиной был выключен. Типичный Джонас.

— Тогда мне повезло, что я на тебя не работаю, — ответила она.

Редактор поднял глаза:

— Ты фрилансер. Это считается.

Фиона не могла не улыбнуться.

— Только не в том случае, если хочешь получить медстраховку.

Он сделал непроницаемое лицо, но Фиона знала, что он шутит. Джонасу Куперу был примерно полтинник. У него были темно-русые с сединой волосы, зачесанные назад и лежавшие красивыми волнами. Живые глаза, резкие темные брови. На нем была футболка, а сверху полурасстегнутая рубашка в красно-черную клетку. Джонас и его жена купили «Лайвли Вермонт» более